

АНАЛИЗ РАБОТЫ «КРУГЛОГО СТОЛА» ПО ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНОСТИ

Тезисы конференции опубликованы в сборнике: Уёмовские чтения V (2017): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова / отв. ред. К. В. Райхерт; Философ. ф-т ОНУ им. И. И. Мечникова. – Одесса, 2017. – 97 с. – С.8-14

У философии нет других средств, кроме высокопорядковых рефлексивных концептов, задаваемых не дефинициями, а каскадами разверток и сериями сборок

Кузнецов В.Ю. [с.155]

Круглый стол – это достаточно традиционная форма научного общения. Понятно, что подобные встречи совершенно по-разному работают для их участников и для тех, кто знакомится с результатами встречи по материалам, опубликованным в печати. «Живой» круглый стол – это особая *интеллектуальная площадка* или, если воспользоваться терминологией В.Е.Лепского, «рефлексивно-активная площадка сборки», сборка интегрального, коллективного субъекта. Анализ результатов любого «круглого стола» представляет собой специальную методологическую задачу, ибо каждое выступление (высказывание) – это особый способ говорения о зафиксированном предмете, некоторый «каскад развертки» (В.Ю.Кузнецов [5, с.155]).

Цель представляемого ниже небольшого исследования заключается в проведении методологического анализа материалов «круглого стола» на тему – «Инновационная сложность. Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жиля Делеза» [6]. Участниками этой интеллектуальной встречи были известные российские специалисты в области изучения сложности – О.В.Аронсон, В.И.Аршинов, В.Г.Буданов, Е.Н.Князева, В.Е.Лепский, Я.И.Свирский и ряд других специалистов.

Как было отмечено модератором форума (Я.И.Свирским), главная задача встречи связывалась с прояснением философских оснований *парадигмы сложности*. Понятно, что разговор о *философских основаниях* той или иной парадигмы «вещь весьма тонкая», но, тем не менее, едва ли возможно оспаривать факт того, философия и наука взаимовлияют друг на друга и эти влияния вполне могут стать предметом специальных рефлексий.

В самом начале встречи Я.И.Свирский призвал участников к *спонтанности, диалогичности, реактивности*, которые и соответствуют, во многом, духу сложностного мышления. Однако этот призыв (и свидетельством тому – выступления участников) фактически не был услышан. Причина отмеченного видится в том, что *сложному мышлению*, равно как и *мышлению многомерному* всем еще только предстоит учиться. Пока же, освоенной оказалась только техника *«изолированной плюральности»*, столь характерная для постсоветской постнеклассики, легитимирующая спокойное возвращение «своего» без особой оглядки на позиции других. Эта техника кажется с человеческой точки зрения бесконечно *«холодной»*, ибо участники научной коммуникации **позволяют** другому высказать собственную точку зрения, но никак, фактически, на эту точку зрения не реагируют. Складывается ощущение, что все говорят, но никто никого не слышит. В этой связи показательной видится история с конструктом *сложностность*, который уже столько лет исследуется В.И.Аршиновым и Я.И.Свирским и который, несомненно, является чрезвычайно полезным для становления парадигмы сложности. Но даже после множества написанных на эту тему текстов у одного из участников «круглого стола» возникает вопрос: «зачем этот конструкт нужен?» (причем вопрос не от представителя *дальнего* и *ближнего* зарубежья, а от того, кто физически существует совсем рядом). В защиту *сложностности* хочется сказать, что именно благодаря этому конструкту для многих стала более понятной

техника *рекурсии*, делезовские интуиции о *различении*, необходимость нового понимания времени, которое *никуда не течет*.

Вполне вероятно, что ситуация «изолированной плюральности» является своеобразным результатом инфицирования исследователя вирусом «самозначимости». Эта самозначимость не позволяет чутко и быстро принять позицию другого, а потом третьего и так далее. Увы, но жесткая «центрированность на своем» препятствует становлению *коллективного наблюдателя*. И в этом смысле весьма показательными кажутся слова Е.Н.Князевой о том, что «множественное необходимо лелеять, культивировать» [6, с.175]. К отмеченному можно добавить: *сложному мышлению* (мышлению в сложности) нужно учиться и для этого важно понять ограниченность и сомнительную плодотворность позиции «изолированной плюральности».

Истоки формирования представлений о сложности

Как утверждают участники «круглого стола», осуществляемые сегодня в мире исследования сложности сформировали достаточно устойчивое междисциплинарное направление, именуемое *Complex Systems Research* или *Theory of Complexity* [6, с.150], исследования *сложного мышления* (*la pensée complexe*), *эпистемология сложного* (*épistémologie complexe*) [6, с.172]. О *сложном* пытаются говорить с весьма различных позиций: формируются представления об *информационной, алгоритмической сложности*, о сложности *открытых нелинейных неравновесных динамических систем* [6, с. 175]]. Автором данного текста было введено и развивается представление о *гуманитарной сложности* [3], [4].

Мысли о *сложном* подпитывались разными источниками. С одной стороны – синергетическими исследованиями, объединившими многообразие исследовательских программ, с другой – философскими наработками, представленными, в первую очередь, в рамках постструктуралистской традиции. При этом само слово *постструктурализм* кажется весьма знаковым: ***сложность*** – это несомненный отход от концентрации внимания на *структуре*. Исследовательский интерес смещается в сторону наблюдения ***процессов*** структурных *трансформаций*, ситуаций ***переструктурирования***, тонкий анализ которых начинается с обнаружения знаков появления нового.

Несомненно, что интеллектуальной фигурой, стимулировавшей многих к изучению сложного, стал французский методолог Эдгар Морен, который и ввел в обращение выражение «парадигма сложности». К чертам этой парадигмы сейчас пытаются присматриваться, в первую очередь, те, кто последние десятилетия активно осваивал синергетические конструкты.

Очевидным результатом коллективных синергетических практик стало сближение естественно-научных и гуманитарных подходов, несмотря на то, что представители естественных наук часто критиковали гуманитариев за поверхностность в использовании синергетических конструктов. И, тем не менее, во многом именно эти конструкты оказались своеобразным «связывающим мостом» и способствовали пусть иногда и «неуклюжей», но – конвергенции гуманитарного и естественно-научного знания.

Сегодня ситуация «неуклюжести» в некотором смысле повторяется, ибо философы науки пытаются понять одного из наиболее «трудных» философов XX века. При анализе его творчества «спотыкаются» даже те, кто профессионально занимается «чистой философией». И естественно возникает вопрос: чем в таком случае могут быть полезны философы науки? На помощь приходит сам Делез, в свое время утверждавший: *«Философии нужна понимающая ее нефилософия, ей нужно нефилософское понимание, подобно тому, как искусству нужно не-искусство, а науке – не-наука»* (цит. по. [6, с. 159]).

На первый взгляд, эта мысль достаточно понятна и проста (хотя, едва ли, многие представители тех или иных «профессиональных цехов» готовы ее реализовывать на практике). Мысль Делеза не только о полезности практической реализации принципа дополненности. Любому «концептуальному замыканию» как воздух необходимо *понимающее размыкание*. И в этом простом слове «*понимающее*», которое пытались

растолковать и расколдовать столько философов, заключена важная искра мысли о *сложном*. Понимание это всегда попытка перетолковать, переложить. Это всегда перевод на язык иных *понимательных конструкторов*. И если мы спрашиваем: что такое *сложность*? – значит – не понимаем, ибо элементов из привычного набора «инструментов для понимания» оказывается недостаточно.

Понимание – это еще и готовность к поддержанию жизни Целого, возможность организовать связность. Наконец, – это «счастье, когда тебя понимают». Понимание способствует формированию *коллективного субъекта*.

Возможность «безболезненного» смещения ракурсов, готовность легкого изменения набора собственных познавательных конструкторов становится своеобразным пропуском в мир сложного.

Приведенную выше мысль Делеза можно перетолковать и иначе. Понимание – это не просто готовность к переводу, обеспечивающему связность, но и принятие того, что понимание – это всегда упрощение, перевод *философии* в *не-философию* связан с **упрощением**.

При этом никак не следуют отождествлять *упрощение* и *Простоту* (важно отметить, что *простота* оказалась еще одним конструктором, который пытались наряду со *сложностью* обсуждать участники «круглого стола»).

У-прощение – это то, что стремится приблизиться к *простому*, но никогда таковым не становится. Поэтому «Простота, которая хуже воровства» (формула, которую упоминал в ходе обсуждений В.Г.Буданов) не очень точна. В устоявшемся в языке выражении речь идет, скорее, о *простоте*, а не о *Простоте*, о том профанном, что лишь угадывается в сакральном. *У-прощение* – это стремление к Простоте, которое никогда не может свершиться, ибо для этого необходимо преодоление онтологического разрыва. Удивительно, но в проводимых рассуждениях *Мысль* вступает в диалог с самим *Языком*: стремление оказаться у – (около) *простоты* (*у-прощение*) сдвигает нас в ситуацию необходимости *быть прощенными* (*у-прощение*). Размышляя о чем угодно с помощью изобретаемых конструкторов, мы призваны (призваны самим *Языком*) понимать, что необходимо сразу просить о прощении. И именно осмысления *сложности* позволяют осваивать эту очень важную в этическом плане мысль.

Любое размышление – это *у-прощение*, это – выпадение в *недо-целостность*, первый шаг к разрушающей «изолированной плюральности». Что же касается сложностного мышления, то оно призвано преодолевать гордыню «любования *надуманным своим*», которым так и хочется «отформатировать других». В этом смысле практика «изолированной плюральности» может рассматриваться и как своеобразное средство защиты от интеллектуальных насилий. Однако у этой практики есть и обратная сторона: боязнь насилия со стороны других препятствует познанию самой Любви. И в этой связи вспоминаются конструкторы Ж.Делеза, о которых не упоминали участники «круглого стола», а именно *гладкое* и *рифленое*. С их помощью сложность можно толковать как наслаждение, получаемое от *ино-рефления*, от возможности сказать иначе, переключиться в освоении той или иной мысли на иную сериальную развертку. Но для переживания сложности, понимаемой как разнообразие опытов рифления, необходимо освоения практики сопричастия *гладкому пространству*. Гладкое – как пауза, как прорыв к Простоте, безмолвие, как счастливая и наивная человеческая *до-понятийная* открытость миру. «*Поять*», «*поиметь*», «*схватить*» – все это неизбывные тени, сопровождающие привычные и, на первый взгляд, такие безобидные слова как *понятие* и *концепт*. Но именно эти слова в своем этимологическом изначалье обнаруживают захватническую сторону природы человека. И в этой связи возникает мысль о том, что кризис *гуманизма*, о котором в свое время пытался говорить Ж.Ф.Лиотар, вовсе не следует отсчитывать от эпохи Возрождения, в которой прозвучали лишь новые культурные акценты. Этот кризис возможно связывать с моментом, когда проявились первые ростки мысли об *истинных суждениях* и *суждениях ложных*. Несомненно, что традиция античной логики во многом

сформировала современную культуру. Эта традиция возникла в лоне самой философии и являла одну из ее модальностей, но эта модальность никак не исчерпывает всей философской полноты. Для более глубокого понимания отмеченного кажется важным прислушаться к голосу известного французского исследователя античной философской традиции – П.Адо.

Размышления о *сложности* в определенной мере подтачивают устоявшийся культурный фундамент, ибо могут вести к еще более радикальным заключениям, нежели ставшие уже привычными мысли «о смерти Бога». Но, как говорится – «скоро сказка сказывается, да не скоро...».

Тема сложности, и это видится вполне очевидным, будет подхвачена многими, в первую очередь, по весьма банальной причине: если *синергетическая парадигма* себя исчерпала, то взгляд целесообразно перевести на что-то иное, но похожее. В подобной ситуации мог бы быть полезным коллективный интеллектуальный труд, под условным названием «Уроки построения синергетической парадигмы». В таком исследовании можно было бы выявить то лучшее, что было накоплено целым поколением исследователей и, одновременно, попытаться зафиксировать начала, сдерживающие дальнейшее развитие.

Анализ же результатов уже состоявшегося «круглого стола» можно свести к следующим направлениям.

1. Попытки переопределения сложности. Работа с любым конструктом никак не может начинаться с его определения. И, тем не менее, разговор о *сложном* естественно предполагает вопрос о том, как именно это *сложное* следует понимать. В этой связи необходимо упомянуть очень полезную статью В.И.Аршинова и Я.И.Свирского, в которой рассматривались варианты определения *сложного* и *сложностного* [1]. На основании анализа материалов «круглого стола» можно выявить несколько подходов к формированию самых первых смысловых схватываний.

В.И.Аршинов: «Для меня сложность – это темпоральный эпистемический процесс, который не может быть редуцирован ни к субъектному, ни к объектному полюсу. Поэтому я предпочитаю говорить о процессе мышления в сложности. О мышлении внутри сложности» [6, с. 164].

О.В.Аронсон: «в мире имманентистской философии (*упрощенно можно толковать как «в мире философии сложного», примечание мое, – Л.Б.*) никакой простоты нет, нет «мысли о», а есть мысль как новый опыт, и для него прежнее разделение на чувственное и интеллектуальное уже невозможно. Делёз поэтому и говорит о философии (в совместной с Феликсом Гваттари книге «Что такое философия?»), как о таком пространстве, где не только происходит какая-то понятийная работа, но и обнаруживается неизбежная неразрывность «перцепта» (то в опыте, что превышает возможности чувственного восприятия) и «понятия» (то в мысли, что превышает возможности мышления), для которого в русском переводе книги использовано слово «концепт»» [6, с. 177].

Е.Н.Князева: «Именно связи между элементами, а не просто количество элементов, делают сложное сложным» [6, с.172]

2. Формирование «терминологического гнезда» для исследования сложного. Развитие любого конструкта осуществляется с помощью специальных терминов, раскрывающих его природу. Эти термины первоначально вводятся одним автором, затем – переходят в разряд коллективных словоупотреблений, формируя специфическое интеллектуальное пространство исследования. Более подробно размышления по поводу *терминологических гнезд* приведены в публикации [5]. Анализируя высказывания участников «круглого стола» о сложном, соответствующее терминологическое гнездо можно зафиксировать следующими терминами:

– *трансдисциплинарность; дисциплинарное трансцендирование* (Е.Н.Князева, [6, с.172]);
– *хаос;*

- *рекурсия* (В.И.Аршинов, Е.Н.Князева)¹;
- *эмерджентность*;
- *среда, инновационная среда, рефлексивно-активные среды* (В.Е.Лепский, Е.Н.Князева [6, с.173].
- *инновации, «инновационная инстанция»* (Я.И.Свирский [6, с.163]);
- *«многомерные смысловые пространства в их движении»* (В.Ю.Кузнецов [6, с.156]);
- *«наблюдатель сложности», «сложностность»* (В.И.Аршинов, [с.164].

Несмотря на то, что именно с помощью этих конструктов участники «круглого стола» пытались говорить о сложном, кажется уместным привести весьма точную мысль О.В.Аронсона: «сложность требует для себя иного языка, нежели язык, всей эпохой рациональности ориентированный на упрощение» [6, с.179]. Однако то, каким именно будет этот новый язык – всем нам еще только предстоит обнаружить.

3. Проявление ключевых концептов Ж.Делеза, эффективных при освоении сложного.

Начать, вероятно, следует с ключевого слова, которое, с легкой руки Ж.Делеза буквально «оплодотворило» сложностью русскоязычный философский и научный лексикон. Речь идет о слове *концепт*, имеющем достаточно различные варианты употребления в специальной литературе (см. работу [2]). Однако, к настоящему моменту, после опытов многочисленных словоупотреблений все отчетливее проявляется мысль о том, что всех интеллектуальных глубин мысли Ж.Делеза и Ф.Гваттари о *концепте* мы пока еще не смогли освоить. И уже не *концепт* и *понятие* хочется различать, а *концепт* и *конструкт*. И в этой связи очень важной видится реплика, брошенная одним из участников «круглого стола»: «концепт как достаточно сложный конструкт» [6, с. 168] (А.С. Плахов). *Сложность, сложностность, рекурсия,...* – все это, скорее всего, конструкты, с помощью которых мы пытаемся рассуждать. Что же касается концепта (в смысле, вкладываемом в это слово Ж.Делезом), то это действительно один из первых инструментов, с помощью которых появляется возможность освоения сложного. Мы же пока способ функционирования этого нового инструмента не очень понимаем и часто пользуемся *концептом* как *конструктом*, но это, если прибегнуть к метафоре – «компьютеры разных поколений».

В ходе «круглого стола» упоминались наиболее привычные слова, которые обнаруживаются в результате пропедевтических делезианских штудий: *мысль, концепт, смысл, логика смысла, ризома, виртуальная хаотизированная реальность, поверхность, тело без органов, хаосмос, отыт, опыт мысли, событие,...*

Единственно, на что в этой связи хотелось бы указать – это на значимость «метафорических оговорок». Один из участников обсуждения заметил: «Напрашивается вывод о целесообразности более глубокого изучения работ Делёза с прицелом на дальнейшее совершенствование постнеклассических моделей...» [6, с.168]. Метафора «с прицелом» уж очень открыто отсылает к тому, что убивает. Поэтому, и большое спасибо автору этой метафорической оговорки, очень важно ступить на путь изучения удивительной философии сложности Ж.Делеза с изначальной презумпцией «не убий».

Заключение

Автор этого исследования уже довольно давно, в 2010 году говорил и писал о том, что совершенно новый импульс в исследованиях сложного может возникнуть в результате соединения в рамках единого научного форума усилий философов, занимающихся

¹ Видится весьма полезным привести дословное толкование рефлексии, предложенное Е.Н.Князевой. Оно несет на себе очевидные влияние коммуникативной концепции Н.Лумана, которая, бесспорно, может рассматриваться как одна из стратегий, позволяющая существенно продвинуться в направлении понимания сложности. Е.Н.Князева утверждает: рефлексия «это способ связи системы и среды, независимость и автономия системы и ее встраивание в среду: встраиваясь в среду, система не только поддерживает свою независимость, но и оттачивает способности, необходимые для такого поддержания. Система и среда строятся одновременно и взаимно: активность протекает и от системы, и от среды» [с. 173]. Тем самым *среда* и *рефлексия* оказываются тесно связанными конструктами.

изучением наследия Ж.Делеза, тех, кто исповедует и исследует философию *русского космизма* и философов, ученых, изучающих *сложность*. Такая междисциплинарная интеллектуальная площадка могла бы стать точкой мировоззренческого сдвига, которого сейчас так недостает. А уже проведенный «круглый стол» является «первой ласточкой» того, что вполне может произойти и во многом изменить, обогатить нашу жизнь. Ведь Делез прав: «Концепты – это сигнатуры духа. Но это не значит, что все это происходит только в голове, так как концепты – это еще и образы жизни» (цит. по [6, с.178-179]).

И в заключение хочется выразить искреннюю благодарность всем организаторам, участникам «круглого стола». Особые слова признательности Я.И.Свирскому, ибо именно благодаря его переводческому труду, «бесконечному напряжению духа» многие «трудные» тексты Ж.Делеза были инсталлированы в плоть русского языка, в плоть нашей общей культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель / В.И.Аршинов, Я.И.Свирский // Философия науки и техники, 2015. – Т. 20. – № 2.– С. 70-84.
- 2.Богатая Л.Н. Слово и его ипостаси (Слово та його іпостасі) / Л. Н. Богатая // Гілея: науковий вісник. – 2015. – Вип. 102. – С. 271-276. (0.8 п.л.)
- 3.Богатая Л.Н. Гуманитарная сложность в контексте некоторых актуальных понятий современной культуры / Л.Н.Богатая // Методологія інтегративних процесів. №2(28), 2016. – С. 4-9.
- 4.Богатая Л.Н. Лингвоэстетика в контексте представлений о гуманитарной сложности / Л.Н.Богатая // Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах “Грані”. – 2015. – №11/2 (127). – С.6-11.
- 5.Богатая Л.Н. Выявление *терминологических гнезд* как один из методов современной гуманитаристики // Науковий вісник Чернівецького університету : Збірник наукових праць. Випуск 754-755. Філософія. – Чернівці : Чернівецький нау. Ун-т, 2015. – С. 59-66. (0.80 п.л.)
- 6.Парадигма сложности в перспективе философской стратегии Жилья Делеза. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники, 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 149–181.